

▼ Память хранит

Евгения ЕВАНГУЛОВА.

Крестный путь

(Продолжение. Начало в №6 от 16.02.2017 г.).

Но есть и такие записи:

«23 декабря (1937)... не устояв против соблазна, мы с Асей (Иванова Ася – симпатичная, хорошенькая, но чрезвычайно легкомысленная девочка с рабфака) купили билеты на «Вертера», на 2 января в Мариинский. Немножко развлечемся (так хочется!).»

24 декабря. Вечером, наконец-то, была на катке «Динамо» – очень хороший каток, но страшно далеко. Была с Мусей и Жорой (молодёжь с рабфака, оба очень славные и интересные). Вернулась в 12 часов ночи и была немало удивлена, застав «сонное царство» – все легли спать.

Разбитая приятной усталостью, скоро заснула. Но утром проснулась с тяжёлым чувством, т.к. видела моего обожаемого, дорогого отца и сидела у него на коленях, а ведь не так давно (а кажется, что прошла вечность) это было такой возможной вещью!

25 декабря. Что-то я ничего не читаю! Безобразия! Правда, перед этим ведь был настоящий запой. Надо съездить в библиотеку. Я стану скоро совсем ненормальным человеком (если уже не стала) – когда мне тоскливо, я с ужасом думаю, что это меня томит предчувствия, а когда весело – меня мучает совесть.

Скоро Новый 1938-й год! Неужели он не принесёт облегчения? Сколько раз я воссылала к Небу такие горячие и такие искренние молитвы. Только религия приносила мне в тяжёлые минуты огромное облегчение и давала хоть какую-нибудь силу. И теперь она заставляет меня верить и надеяться на хороший исход. А без неё где бы я черпала силы?! У меня ведь никого и ничего теперь нет! Бабушка с дедушкой, любящие и любимые, сейчас тоже далёкие».

Жестокая тоска и «неумолкающие мучения совести за брошенных на произвол судьбы арестованных родителей» – так в дневнике, гнали меня, рабфакскую ученицу, а впоследствии студентку института, на каждые каникулы для хлопот о родителях в Москву, это помимо отправки ежемесячных заявлений или вызывающих к справедливости писем на имя «отца народов» и Берии.

«3 января 1938 года. Вчера Суся мне сказала, что слышала, как по радио передали, что 3 января запускаются Блявинский медеплавильный комбинат и ЦЭС. Так безумно стало горько и обидно. Ведь всё это папино и его замечательными руками, головой начато, а ЦЭС и построена им. И вообще, так быстро всё росло и строилось при нём на наших глазах, сколько туда было вложено труда, здоровья, и с таким интересом и любовью папа относился к строительству, и вот благодарность! Непостижимо!».

Первая моя поездка в Москву состоялась в конце января 1938 года:

«23 января. После ночёвки у Нади дома меня встретили чрезвычайно приятным сообщением, что билет в Москву мне достали!».

24 января. Москва. (День рождения моего отца).

Лечу, как угорелая, на метро. Всё до безумия мне знакомо; от волнения еду в обратную сторону, спохватываюсь, пересаживаюсь – и, наконец, в родных краях: Мясницкие ворота, Телеграфный, Потаповский, 5. Вот они – ворота, к которым сотни миллионов раз когда-то в счастливые времена я подходила. Теперь же еле-еле сдерживаю слёзы. Вбегаю к Екатерине Григорьевне, и тут силы меня покидают, и я повисаю в слезах на груди у растерянной милой женщины. Целый день ей всё подробно рассказываю. Какой она всё же замечательно чуткий человек...».

Е.Г. Асеева – одна из соседок по квартире, образованнейшая, знавшая до тонкостей классиков литературы, рано поседевшая женщина. В конце 20-х годов она потеряла 8-летнего сына в скарлатине, а позже и мужа-профессора, умершего от разрыва сердца в связи с неприятностями на работе.

«Вечером приехал Тёма (сын папиного сестры, с которым вместе росли до 5-ти лет), стал огромным и совсем взрослым, но чувствуется недоучка, и поэтому он не очень мне понравился, хотя я его и люблю. Но в моём представлении юноша в 17 лет должен быть совсем другим. Жильцы квартиры остались теми же, только сыновья Николая Николаевича – первейшего друга

моего отца, и Марии Николаевны Колосовских – сильно выросли и изменились. Старший, Котик, замечателен. Как бы он, наверное, понравился папе. <...>

25 января 1938 г. Утром поехала к бабушке. Опять слёзы – и радостно, и тяжело, отдохнула душой. Осталась ночевать – кругом такая заботливость, любовь, что мне теперь уже с непривычки, даже стыдно... На Потаповском же в оставшейся за дедушкой комнате сложены остатки нашего имущества, так что царит беспорядок».

Несмотря на большое количество весёлых и порой даже экспансивных встреч со своими бывшими школьниками и успех у мальчиков, мысли мои неотступно следовали в одном русле – нашего несчастья. Родные всячески отговаривали меня от посещения значных мест (НКВД), слишком ситуация была напряжена и опасна. Страницы записок пестрят такими заметками:

«31 января. Созвонилась с Аликом (Самсоновым – сыном инженера с папиного последнего строительства, где я с ним и познакомилась) и 31-го пошла к нему. Была сшиблена с ног его неунывающим видом. Живёт один (родители, естественно, арестованы), в кармане 1 руб. 40 коп. Не учится и не работает, чем всё это кончится – не представляю. Весь вечер проговорили. <...>

1 февраля. ...Проехала к Ольге Ивановне Доброхотовой (Серебряниковой) (Доброхотова Ольга Ивановна, урожд. Серебряникова (1894-1983), училась в Нижегородской гимназии с Н.В. Евангуловой, жила в Москве) – маминной подруге детства, т.к. узнала потрясающую, но теперь обыкновенную вещь, что Леонид Петрович (муж) арестован. Одна комната у них опечатана, настроение, естественно, ужасное, опять тяжёлые расспросы, воспоминания и т.д. Забыла сказать, что вчера говорила с Петей (Герасимовым, школьным товарищем), и у него оказалось положение, аналогично моему, да не у него одного...».

Но юность брала своё: заткнув уши в ответ на злоеvidence слухи и зажмурив глаза на вопиющие факты, она крутилась на дозволенных танцуйках, порой устраивала безликие, сдобренные фальшью вечерушки, в меру бегая по кино и театрам. Такая же атмосфера воцарилась и среди наших бывших школьников, о чём свидетельствует дневниковая запись:

«2 февраля. Вечером наши ребята собрались в складчину, было весело, я даже была, как выразились ребята, «гвоздиком вечера». Много танцевали, девочки косились и шушукались. Всего было 18 человек, из них 11 мальчиков и 7 девочек. Собирались у Андрея Елецкого. Ребята изменились мало, большинство из них поступили в высшие учебные заведения. Мне было очень приятно после стольких мытарств попасть опять в эту шумную, весёлую и простую компанию, где отнеслись ко мне очень тепло. Там же меня пригласил Шурка Смирнов на 4 февр. к какому-то мальчику с условием, что там будут: он, Тёма (Батюшков), Петя (Герасимов) и Юра Матвеев, а из девочек ещё только Дита, остальных же я не знаю. В общем, как я поняла, устраивался танцевальный вечер, но с небольшой выпивкой – я ответила полнейшей неопределённостью и решила посоветоваться с Дитой, условившись, что 3-го позвоню Шуре».

3 февраля. Вечером я, Марк и Витя Широков поехали на «Динамо», но шёл сильный снег, Надины коньки мне жали, и мы вскоре уехали, зашли к Фане и у неё просидели вечер. Между прочим, Витя очень испортился – стал каким-то развинченным, держится с апломбом и утерять свою прежнюю доброту, простоту и застенчивость, что к нему так шло.

Фаня стала живее и более барышня. Шуре не звонила. Катастрофа! Марк обещал достать билеты на завтра в театр. Вечер плакал! 4 февраля. Дозвонилась Марку – он достал билеты на «Собаку на сене» в «Театр революции» – говорят, замечательная вещь и чудесные артисты (Бабанова, Лукьянов, Орлов и др.). Я, конечно, согласилась идти, звоню Шуре – там поднялся грандиозный скандал и несусветная ругань в связи с тем, что я не приду на вечер из-за похода в театр. Полчаса уговоров, и, наконец, порешили, что мы приедем после театра. Так и сделали. Постановка произвела на меня прекрасное впечатление, и с Мариком мне было очень легко. Он так трогательно меня уверяет,

что всё будет хорошо, что мне всей душой хочется ему верить, но мучительные сомнения грызут мою душу.

Вечер был ничего: хозяин симпатичный, незнакомая девочка только одна (новая любовь Тёмы) – говорили они наполовину по-английски, что выглядело пошло и похоже было на отчаянное кривляние. Шура поднакачался, что было очень противно».

Помню, среди множества бродивших по Москве слухов был и такой – надо было обращаться в «Красный крест», он, мол, помогает материально детям репрессированных родителей, поэтому:

«5 февраля. Вчера была в «Красном кресте», но дверь оказалась заперта. Зашла сегодня: народу – не продохнуть, и, оказывается, нужен был паспорт, так и ушла ни с чем. Из разговоров с людьми выяснилось, что оказание помощи детям репрессированных, конечно, блеф. Съездила к Серёже (брат папы), настроение, как почти всегда теперь, грустное и безразличное, такое же, как сейчас погода – серая и пасмурная. Дочурка у Серёжи с Ирусей стала замечательной (ей 5 лет), и так приятно смотреть на неё <...>, окружённую родительской лаской и заботой».

На этом закончилась первая из многих московская эпопея:

«8 февраля. Купила на завтра билет. Поезд идёт в 21 ч. 40 мин. Итак, из родной Москвы опять еду в чужой Ленинград. Послала вчера (через прокуратуру) папе с мамой по 50 р. Может быть, дойдут?! Дай Бог, чтобы они получили. Отослала на всякий случай письмо Малышевой (жена гл. строителя, уцелевшего среди единичных при поголовных арестах на строительстве), может быть, получу хоть какие-нибудь крохи сведений, ведь неизвестность так тяжела... Звонила Алику и узнала, что Малышевых на строительстве (под Оренбургом) уже нет, так что я совершенно напрасно послала своё письмо с такой горячей просьбой, и оно, очевидно, теперь попадёт не по назначению. <...>

10 февраля. И вот опять Ленинград! Сыро, серо, холодно... Вчера провожали меня 7 человек, и Маргит (Витоль Маргит Робертовна (1919-2000). Родилась и жила в Москве. Одноклассница и близкая подруга Е.П. Евангуловой. Окончила московский институт радиотехники и электроники и преподавала в нём) опоздала. Было шумно и весело. Доехала ничего».

И снова потекли будни – с незатруднительным учением на рабфаке («вечером было собрание – у меня из единнадцати предметов – 8 «отлично», остальные «хорошо»; за опоздание пока что никто не ругал»), с чтением книг, с редким посещением с приятелями и поклонниками кино-театров и с бесконечными попытками получения маломальских сведений о судьбе родителей.

27 февраля (1938). Утром позвонила Юлия Марковна Малышева, сказала свой адрес, и мы условились, что сейчас же приеду. Плюнула на английский урок – поехала. Ехала с такой надеждой узнать хоть что-нибудь, что разочарование было безумно жестоким. Она несколько не больше знает, чем я, и, оказывается, уже давно уехала со стройки. Они с мужем, действительно, как она выразилась, оказались «белыми воронами» – почти единственными из инженерских семей, избежавших там ареста. <...> Вернулась вдрызг расстроенная. На первом уроке была контрольная по математике, но я никак не могла взять себя в руки, так что чуть не засыпалась...».

В качестве примечания к описанному эпизоду: Малышевы в Ленинграде жили в одном из «сталинских» домов – добротных, с большими квартирами, хотя достаточно мрачного стиля, всегда серые и с «излишествами» в виде безвкусной лепнины, которую потом сами же власти забраковали. Интересно, что дом этот стоит на углу Малого проспекта (тогда – проспект Щорса) Петроградской стороны и Ординарной ул., нависая аркой в своей средней части над тогдашней улицей Теряевой (до революции – ул. Милосердия), затем переименованной в улицу Текстилей (идиотское название), а затем в ул. Вс. Вишневского. Именно на этой улице нам втроём (мама, я и муж) было суждено поселиться после обмена маминной комнаты, полученной ею после реабилитации, и нашей – на крохотную, но зато, наконец, изолированную квартиру.

(Продолжение в следующем номере).